

Посеявший ветер

Лев Бердников | 02.10.2018

Раввин, уроженец Германии, он стал убеждённым православным христианином и российским подданным, посвятив жизнь миссионерской деятельности и переводу Библии на русский язык.

Яков Александрович Брафман (1824-1879) принадлежал к категории евреев-самоненавистников (термин, конечно же, условный, но тем не менее точно описывающий радикальных отступников и хулителей своей веры, идентичности, народа). Став ярыми антисемитами, таковые в своей оголтелости зачастую превосходили записных юдофобов.

Брафман был родом из местечка Клецк Минской губернии, что на берегу реки Лань. Еврейская община существовала там с 1552 г., а к середине XIX в. "Клецкое еврейское общество" насчитывало уже 2138 душ (примерно 2/3 общего населения) и входило в состав Пинского кагального округа. В 1796 г. здесь была построена главная синагога, работал также Бейт-а-Мидраш ("дом учения" – место, куда собирались лица, изучающие еврейский закон).

Брафман происходил из семьи местного раввина, но, рано осиротев, воспитывался дальними родственниками. Дерзкий юноша, он конфликтовал с местной еврейской общиной, чьи установления и правила, необходимые для выживания в экстремальных условиях, воспринимал особенно остро и неприязненно. В самом этом бунте, равно как и в отторжении от "жестоковых" единоверцев, не было ничего необычного (конфликтовали же с соплеменниками Барух Спиноза и Уриэль Акоста). Однако в своём отщепенстве Яков дошёл до того, что экстраполировал свою ненависть к конкретным представителям общины на весь народ израилев. Он призывал к уничтожению не только самоуправления евреев, но и любого их объединения, восставая против еврейского самосознания как такового. Бедность и злонравие сделали его тогда первым кандидатом в кантонисты. Дабы не стать "пойманником", он вынужден был скрываться от вездесущих "ловцов" и переезжать с места на место.

Находясь в изгнании, молодой Яков женился, но снова пустился в бега, так и не узнав о рождении дочери, Софьи (1846-1911). Не знал он и того, что в юном возрасте девочка была отдана в польскую семью на воспитание, где её крестили в католичество. Она и воспитывалась в католическом пансионе. Впоследствии Софья Брафман выйдет замуж за католика и станет матерью видного русского поэта Владислава Ходасевича (1886-1939). О покинутой жене Якова достоверных сведений нет, кроме того, что она какое-то время жила в семье дочери.

Известно, что в мае 1853 г. в уездном дворянском училище в Пинске Брафман выдержал экзамен на звание учителя, получив при этом и право на открытие начального еврейского училища (которым, однако, не воспользовался). Он усердно занимался самообразованием и стал полиглотом, овладевшим, помимо идиша, русским, древнееврейским, арамейским, арабским, немецким, польским и французским языками. Однако современники указывали, что в древнееврейском он был явно слаб и неспособен правильно переводить с этого языка даже несложные тексты. Да и в русском языке Брафман не слишком преуспел, говорил и писал с ошибками.

Яков перепробовал многие профессии. Причём, как это свойственно бывшим беднякам,

нахлебавшимся лиха, отличался корыстолюбием и стяжательством, часто выходившими за рамки приличия. Одно время он занялся фотоделом, обзавёлся в Минске собственной фотографией, причём его снимки с видами города ценились высоко и даже публиковались в журнале "Фотографическая иллюстрация" (1863, № 8-9). Современный белорусский историк-краевед называет его "замечательным фотографом, который по своему мастерству заслуживает занять самое главное место в кругу наших фотографов". А вот фотопортрета самого Брафмана не сохранилось, есть лишь его описание, сделанное уже в зрелые годы: "У него был скорее монашеский вид. пышная белая борода и кустистые брови, оканчивающиеся какими-то мефистофельскими кисточками".

Важной жизненной вехой стало для Брафмана получение от Лондонского миссионерского общества книги "Нового завета" на немецком языке. По некоторым сведениям, в середине 1850-х гг. судьба занесла его в Киев, где он принял протестантизм. В связи с этим английский историк Джон Клиер говорит о цинизме Брафмана, будто бы воспользовавшегося доступностью и лёгкостью лютеранского обряда. Очевидно, однако, что желание порвать разом с ненавистной ему еврейской общиной было у Якова искренним и выстраданным.

В 1858 г., уже в Минске, он принял православие, после чего, по его словам, "голос небесный отозвался в душе, и высшая правда прожгла всё моё сознание". Видно, что крестился он под влиянием архиепископа Минского и Бобруйского Михаила (Голубовича; 1803-1881), который всячески опекал этого неопита из евреев. "Преосвященный сумел выполнить долг православного иерарха и в то же время привлечь к себе расположение образованных людей без различия исповедания и национальности", – говорили о нём клирики. И, по-видимому, отец Михаил увлёк Брафмана православным прозелитизмом среди иудеев и подтолкнул его к составлению меморандума, где предлагалось использовать знавших идиш проповедников. И не иначе как благодаря архиепископу "Всепопданейшая просьба крещёного из евреев Якова Брафмана об учреждении миссионерского общества для обращения бывших его единоверцев в христианство" была поднесена Александру II во время царского визита в Минск в 1858 г. Меморандум был передан в Синод, а в октябре 1859 г. автор был вызван в Петербург.

Он удостоился внимания святителя Московского и Коломенского, митрополита Филарета (Дроздова; 1782-1867), пригласившего его для беседы. А в 1860 г. митрополит направил в Синод подробное описание проекта Брафмана. Он положительно оценил некоторые предложения автора, тем более, что они отчасти совпадали с тем, как он сам представлял миссионерское дело – среди них православное богослужение на еврейском языке и требование ставить в священники принявших христианство меламедов и раввинов, знавших иудаизм. В то же время многие инициативы он отверг как "тёмные", "непрямые" и "ненадёжные". Он посчитал нужным привлечь Брафмана к совместной работе с другим крещёным евреем, профессором кафедры еврейского языка и литературы Петербургской духовной академии Василием Левисоном (1807-1869). Впрочем, Филарет не видел возможностей для скорой реализации проекта (и не ошибся в этом), однако рекомендовал Якова в преподаватели древнееврейского языка Минской духовной семинарии. Ему также было поручено всячески устранять затруднения, с которыми сталкивались желавшие креститься. Миссионерская деятельность Якова оказалась плодотворной: за полгода он обратил в христианство около сорока евреев.

Он часто бывал в Вильно, где в 1864 г. для графа Михаила Муравьёва (1796-1866) переводил с идиша и немецкого языков документы, связанные с польским восстанием. А в 1866 г. обосновался там постоянно, где сошёлся с еврейскими русификаторами, в том числе с писателем Львом Левандой (1835-1888), и старался вновь привлечь внимание властей к своим проектам. Стал печататься в газете "Виленский вестник", официальном органе Северо-Западного учебного округа, курируемом Муравьёвым. Представляет интерес опубликованная там статья "Взгляд еврея, принявшего православие, на реформу быта еврейского народа" (1866), которую считают первой инкарнацией мысли и положений, развитых позднее в его

книгах. Брафман уже тогда рассматривал еврейское самоуправление как вредную для государства силу, беспощадно бичевал "еврейский фанатизм", якобы прямо вытекающий из Талмуда. Особенно раздражала автора деятельность различных еврейских братств. Как отметил историк Михаил Долбилов, "юдофобия связала конспирологический нарратив о братствах с устойчивыми подсознательными страхами. Предметом, особенно будоражившим умы чиновников и публицистов, было участие братчиков в соответствующих погребальных обрядах, в чём усматривался источник якобы безграничного влияния братств на массу местных жителей". Характер выступлений этого "пребывающего в православии жида", очень точно передал редактор "Виленского вестника" Михаил Де Поле (1822-1885): "Брафмана, как псевдо-апостола православия, пускают на травлю евреев". А Лев Леванда заметил: "Известный архипрохода Яков Александрович, воспользовавшись теперешним настроением русского общества нашего края, приехал в Вильно, чтобы принести и свою лепту на алтарь, на котором хотелось бы многим изжарить и съесть его бывших единоверцев... Если бы вы видели, какого ученого и мыслителя он корчит из себя, благодаря чужим статьям, которые он выдает за свои!.. Заносчивость его возрастает с каждым днем; суждения его... о мыслителях, которых он, впрочем, не читал и даже не видал, достойны — оплеух".

Брафман сообщил тогда попечителю Виленского учебного округа Ивану Корнилову (1811-1901) о том, что располагает кагальными документами Минской общины с 1794-1833 гг. на древнееврейском языке, которые якобы проливают свет на тайные козни иудеев. Корнилов был впечатлён и всячески ему покровительствовал, чем подтвердил правоту древнего изречения: "Кто причиняет евреям зло, тот достигает больших почестей". Он назвал Брафмана "уникальным и незаменимым" и обратился к генерал-губернатору Константину фон Кауфману (1818-1882) с просьбой назначить его цензором еврейских книг, а также выдать пособие в 2500 рублей на перевод и издание документов. Корнилов признал весьма полезным "удержать на службе в Вильне г. Брафмана для того, чтобы иметь верного правительственного агента по еврейским делам". И далее - "назначение на должность цензора еврейских книг не еврея-талмудиста, как бы он ни казался благонадёжным, или не еврея-рационалиста и космополита, но еврея православного исповедания, преданного правительству в России и интересам православия, есть дело... весьма важное". Кроме того, указывалось, что у Брафмана после отъезда из Минска нет никаких средств к существованию (на что тот с его неукротимой страстью к деньгам постоянно жаловался).

В октябре 1866 г. Яков получил назначение в виленский цензурный комитет с окладом 500 рублей в год. Однако здесь возникло неожиданное препятствие. По справке, сделанной в соответствии с заведённым порядком в Министерстве внутренних дел, обнаружилось, что происходивший из мещан Брафман "курса нигде не окончил", а посему он "не только не может по закону занять должность помощника цензора, но даже не имеет права вступить в гражданскую службу". Однако начальству удалось обойти это обстоятельство. Новый виленский генерал-губернатор граф Эдуард Баранов (1811-1884) в декабре 1867 г. обратился к императору с прошением о присвоении Брафману 14-го классного чина. 21 марта 1869 г. Александр II "всемиловитейше соизволил на награждение, вне установленных правил и не в пример другим, чином коллежского регистратора". Были изысканы средства (причём за счёт еврейского же свечного сбора) и на перевод его минских кагальных документов, выполненный учителем Виленской раввинской академии Н.П. Гуриевым (Моисеем Гурвичем), и тремя его неимущими студентами "для издания с переводом на русский язык для правительственных сообщений".

В 1866 г. по инициативе известного талмудиста и общественного деятеля Якова Барита (1797-1883) генерал-губернатором Константином Кауфманом была созвана Виленская комиссия по устройству евреев. Отрадно, что абсолютное число её депутатов убедилось в лживости и неосновательности обвинений Брафмана, хотя тот позиционировал себя как радетель еврейских интересов, выступавший как против эксплуатации христиан, так и тирании самих евреев. Он тщился представить иудаизм "непрочным и чахнувшим",

рассчитывая на его дискредитацию, но депутаты это опростестовали, считая, что "умышленное игнорирование не уничтожит одну из мировых религий, основанную на откровении". Брафман доказывал, что причина современного антисемитизма – еврейская враждебность к христианам. Но вопреки его инвективам, Комиссией было предложено немедленно предоставить евреям право повсеместного жительства, отменить всякие стеснения в торговле, уравнивать евреев с прочим населением в отношении воинской повинности, участия в городском и сословном самоуправлении и т. д. По завершении работы 12 октября 1869 г. депутаты обратились к генерал-губернатору с письмом, в котором заявили о необходимости упразднить черту еврейской оседлости. Однако от решений до их исполнения – дистанция огромного размера.

Брафман тем временем благополучно приступил к новой ответственной работе виленского цензора. Говорили, что занятый творческими и издательскими проблемами, он не уделял должного внимания своим служебным обязанностям. И такого лютого недоброжелателя евреев отыскать было трудно. Он выступил с предложением запретить все периодические издания на языке идиш. "Просветительское направление еврейских газет вообще, как в империи, так и заграничных, – объяснял Брафман, – прямо идёт в разрез со всеми интересами нашего правительства, ибо могут ли газеты, служащие исключительно еврейскому национальному фанатизму, соответствовать цели русского правительства?". При этом в своём бичующем раже он порой вступал в конфронтацию даже с цензорами-сотоварищами. Примечателен случай с фотографическим портретом Мозеса Монтефиоре (1784-1885), вставленным в орнаментальную рамку, увенчанным звездой Давида и снабженным аллегорическими надписями из Танаха. По мнению Брафмана, фотография не подлежала публикации. Бдительный цензор обнаружил кощунство в том, что почести, оказанные Монтефиоре, якобы сродни возведению его в царское достоинство. Он узрел здесь отзвук зарождающегося в Европе нового взгляда евреев на Палестину как на "царство одного из сынов Ротшильда" (что само по себе абсурдно, поскольку Монтефиоре никаких семейных связей с Ротшильдами не имел). Однако Виленский отдельный цензор не согласился с запретом Брафмана и поручил его коллеге Овсею Штейнбергу (1830-1908) дать свой экспертный отзыв, который – в пику прежнему – предлагал разрешить публикацию, что поддержал и вышестоящий Петербургский комитет иностранной печати. Там не встретили никаких затруднений к пропуску портрета, так как надписи и символические знаки в нём "выражают лишь избыток благодарности пештских евреев к Монтефиоре и не заключают в себе ничего вредного для евреев вообще и для русских евреев в особенности". И подобные поражения Брафман терпел не раз.

Нельзя не заметить, что Яков Александрович с чужими деньгами и собственностью особо не церемонился. Так, в 1866-1867 гг. он получил от Православного виленского святодуховного братства "разных денег" на сумму 190 рублей и в покрытие долга представил благочестивую картину на холсте, изображающую тысячелетний собор святых русской церкви, оцененную в 17 руб. 50 коп. За ним также числилась 51 еврейская книга, которые он взял из библиотеки Виленского учебного округа и так и не вернул обратно. В том же ряду невозвращённая ссуда в 50 руб., которую он взял в 1869 году в Обществе ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае.

Вместе с тем Брафман занимался и подготовкой своих сочинений, средства на издания которых продолжал клянчить у властей предержавших. В 1868 г. он выпустил книгу "Еврейские братства, местные и всемирные", в которой "пролил свет" на их подрывную антигосударственную деятельность, направленную на закабаление и самих евреев. Не принимал он и определений типа "Русский Моисеев закон", ибо братства якобы учат воинствующему изоляционизму. Бичевал он их и за злонамеренное подстрекательство мессианских умонастроений. "Ожидание Мессии, как лица имеющего восстановить Иерусалимское царство, – писал он, – есть догмат еврейской веры, и догмат этот отождествляет понятие о иудействе с понятием еврейской национальности". Вера в Мессию,

по Брафману, прямо сопрягается с мечтой евреев господствовать над другими народами. Так пассажи Брафмана стали основаниями идеологического антисемитизма в России. При этом он, по словам современника, "нападал не только на религию, или на злоупотребление отдельных лиц, а, становясь на почву социальную и экономическую, старался очернить и подкопать всю организацию еврейских общин и все вообще еврейские учреждения".

Но главным трудом Брафмана стала печально знаменитая "Книга кагала" (1869), ставшая, по общему мнению, "катехизисом юдофобов". Израильский исследователь Савелий Дудаков характеризует её как "концептуальное разоблачение исторической "зловредности" евреев с доказательством их политической враждебности". С этой точки зрения, книга эта вполне согласуется с русской националистической доктриной Николая Данилевского (1882-1885) и является прямым предтечей пресловутых "Протоколов сионских мудрецов" (1903). Послужила она и своего рода "научной базой" и для таких беллетристов-антисемитов, как Болеслав Маркевич (1822-1884) и Всеволод Крестовский (1840-1895), а также публицистов Александра Пятковского (1840-1904), Алексея Шмакова (1852-1916) и Сергея Нилуса (1862-1929). Примечательно, что ревностный адепт идеи еврейско-масонского заговора, штандартенфюрер СС Григорий Шварц-Бостунич (1883 - после 1946) отмечал, что "крещённый раввин Яков Брафман разоблачил часть жидовских тайн в знаменитой "Книге кагала", выпущенной в Петербурге и скупленной жидами". К слову, Шварц-Бостунич допустил здесь сразу три неточности: раввином Брафман никогда не был; книга его вышла не в Петербурге, а в Вильно; а экземпляры её, дабы прекратить обращение в публике, были изъяты только из одной только книжной лавки, причём в Одессе. И причина тому вполне понятна.

"Книга кагала" представляла собой сборник тенденциозно подобранных, грубо искажённых и превратно истолкованных законодательных актов еврейской общины Минска за 1794-1803 гг. Их перевод грешил многими ошибками, а разъяснения и комментарии автора, не знакомого с основами еврейского права, подчас прямо противоречили содержанию документов. Примечательно, что оппоненты называли Брафмана "наш русский Иоганн Пфефферкорн", что имело свои резоны, поскольку и тот и другой были выкрестами и нанесли неисчислимый вред иудаизму. С точки зрения евреев, оба были доносчиками на свой народ (мосрим), что ставило их в один ряд с вероотступниками и безбожниками и обрекало на вечные муки ада. Тем более, что такое доносительство хорошо оплачивалось и всемерно поощрялось властями. Но если немецкий обскурант XV - XVI вв. нападал на Талмуд, то Брафман озаботился параноидальной идеей тотального еврейского заговора.

Мишенью для своих атак он избрал "кагалы", то есть систему самоуправления еврейских общин, которую долгое время поддерживала царская администрация как удобный институт для взимания налогов. Кагалы были упразднены в 1844 г., но Брафман утверждал, что они продолжают тайно существовать и начальствовать над еврейскими общинами, а рядовые евреи не могут выйти из-под их власти под страхом смерти.

Назвав кагал "талмудической муниципальной республикой", он громогласно заявил, что евреи, составляя *status in statu* (государство в государстве), считают для себя государственные законы необязательными; кагал присваивает себе право устанавливать в свою пользу налоги и поборы; еврейский суд (бейт-дин) — послушное орудие в руках кагала; кагал подчиняет своей власти все отдельные братства; он регламентирует и всю жизнь евреев, определяя даже свойство платья и блюд; кагал искусно проводит в жизнь "умозатмение христиан" и т.д.

Надо отметить, что обвинения такого рода не были изобретением Брафмана: за 20 и 30 лет до него православные неопиты Яков Липс и В.В. Розен тоже говорили о еврейском *status in statu* и не без некоторого успеха пугали этим правительство (в награду за бдительность оба, как и Брафман, получили должности цензоров), но "Книге кагала" удалось внушить страх неизмеримо большему кругу людей, прежде всего, потому, что в условиях гласности и эпохи

великих реформ, она воздействовала на общественное мнение в целом.

Существенно, что, публикуя подлинные документы еврейского быта XVIII-XIX вв., он "изобрел" и новый принцип "научной" компиляции. Строя свой комментарий постановлений религиозно-культурных деятелей XVIII в., на цитатах из талмудических трактатов II-VII вв. и на суждениях религиозных мыслителей XII-XVII вв., он доказывал неизменность и вневременность еврейской общины, руководители которой не только сохраняли независимость от государственно-социальных учреждений, но и экономически закабалили своих и чужих.

Эпиграфом к книге он взял слова Фридриха Шиллера: "Евреи составляют государство в государстве". Причём рождение кагала он прослеживал с незапамятных времён – с разрушения Иерусалимского храма римлянами в 70 г. н.э., когда организовалось еврейское братство под руководством р. Йоханана бен Заккая (на самом деле, мудрец основал центр изучения Торы в Явне, куда перебралось большинство книжников, авторитетов в этой области). Согласно Брафману, Заккай якобы получил полную власть над соплеменниками, утвердил беспрекословную дисциплину, контроль над каждым мелочным аспектом еврейской жизни, что со временем под "национально-талмудическим знаменем" евреи распространили и на другие общины. Он бичевал всякие образовательные братства, благотворительные организации, общества помощи арестованным, ибо на самом деле, как он утверждал, здесь укрепляется власть еврейской элиты (патрициев) над бесправными плебеями. Несогласных кагал карал проклятием (херемом), которое тяготело над несчастными, и они изгонялись из общества. Причём опального могли не только подвергнуть штрафу, но и упечь в тюрьму, а то и убить.

Игнорируя положение Талмуда о безусловном подчинении царю ("закон государства – закон"), а также тот очевидный факт, что государственно-административные правила неукоснительно соблюдались кагалом, Брафман приводит цитату из акта № 797: "Решено возобновить царство нашего государя, морейне, учителя нашего и великого раввина Израиля, чтобы он оставался раввином и председателем бет-дина нашего города еще на десять лет", и делает неоправданный вывод о том, что община, дескать, подчинена, прежде всего, "своему", а затем уже "гойскому" царю. Дальше – больше: наличие у евреев "своего царя" и своих тайных "карательных" органов, - утверждал лжекомментатор, - являет собой мощный и тщательно отлаженный механизм.

Интересно то, что корыстолюбец Брафман ничтоже сумняшеся обвиняет в своекорыстии кагал, не обременяя себя подтверждающими документами. Особенно нелепо звучит посыл о том, что якобы христиане благодаря кагалу становятся лишь фиктивными собственниками своего имущества. Впечатленный этим открытием славянофил Иван Аксаков писал: "Похоже, что кагал продает каждое христианское поместье какому-нибудь еврею... Таким же образом деревни и целые местности со всеми их обитателями (разумеется, христианами) становятся объектом купли и продажи. Под прикрытием нашего гражданского права действует совершенно иной „юридический порядок“, секретный и нигилистический, который подчиняет еврейской юрисдикции не только евреев, но и русских, не догадывающихся об этом". На деле отчуждение жилья христианина в пользу еврея было немыслимым – но Аксаков был "обманываться рад".

Комментируя кагальные акты по поводу наказания непослушных, равно как и определения о "тайных преследователях", Брафман толкует их в соответствии со своей концепцией еврейского самоуправления под водительством "богопротивного" кагала. По оценке историка Юлия Гессена, "Книга кагала" требовала только того, чтобы в корне было уничтожено общественное самоуправление евреев", не взирая на их "гражданское бесправие".

Не брезговал наш автор и откровенными домыслами. Например, ссылаясь на трактат

"Сангедрин" о "четырёх родах казни" (имеются в виду побиение камнями, сожжение, усекование мечом и удушение), он пишет: "Нам желательно было бы умолчать о подобной постыдной черте в древней организации еврейской общины, если бы документы и факты ясно не доказывали, что приведенная зверская система самосуда, при которой правительственные учреждения и власти нередко являются слепым орудием в руках евреев, преследующих антиправительственные цели, — применяется и по сие время в подпольной деятельности еврейских учреждений". Поэтому, указывает Брафман, молодые члены еврейской общины готовы выполнить любое постановление бейт-дина, "даже если оно противоречит законодательству страны, в которой живут евреи". И ещё, продолжает Брафман, иудеи погрязли в изоляционизме и замкнутости, а "талмудическая интеллигенция" стала сборищем заговорщиков и сепаратистов, восстающих против государства.

"Книга Брафмана, - резюмировал историк Николай Граве, - впервые открыла России и всему христианскому миру, что евреи, считавшиеся угнетенными, устроили в черте своей оседлости настоящее (тайное) Израильское царство, разделенное в кагалы на округа с кагалным управлением, облеченным деспотической властью". Таким образом, подводилась теоретическая база под концепцию коллективной вины евреев. Еврейский народ представал как спаянная общими преступлениями конспиративная организация, из которой даже при желании невозможно вырваться. По словам Александра Солженицына, "Книге кагала" удалось внушить множеству отдельных лиц фанатическую ненависть к еврейскому народу как к всемирному врагу христиан, удалось распространить превратное представление о внутреннем быте евреев.

Опус Брафмана произвел на читателей шоковую реакцию и стал самой влиятельной книгой антисемитизма в России, а её автор снискал "громкое имя первого научного исследователя еврейского вопроса". Русская правая печать приняла книгу на ура: "Виленский вестник", "Киевлянин", "Современные известия", "Судебный вестник", "Сын Отечества", "Журнал Министерства народного просвещения", "Новороссийский телеграф", "Голос" отозвались восторженными рецензиями и увидели в ней открытие "тёмных сторон русского еврейства". И русская администрация встретила её с полным доверием. Книгу стали беззастенчиво и повсеместно насаждать, так что чтение её должностными лицами для знакомства с еврейским бытом стало обязательным. Государственные чиновники ссылались на "Книгу Кагала" как на свод законов.

Да что там бюрократы! И в домашней библиотеке Достоевского (1821-1881) хранилась подаренная ему самим Брафманом "Книга кагала". Из нее Фёдор Михайлович заимствовал идею еврейского status in statu для своей известной статьи "Еврейский вопрос" в мартовском выпуске "Дневника писателя" 1877 года. С книгой Брафмана и с самим ее автором был хорошо знаком и Николай Лесков (1831-1895). Семён Дубнов (1860-1941), впоследствии известный историк еврейского народа и публицист, вспоминал, как Лесков отпуская "комплименты Брафману" и его "любопытной "Книге Кагала", уверял в искренности этого "верующего христианина". Примечательно также, что "Книга кагала" была переведена на французский (1873) и польский (1874) языки.

А вот еврейская пресса сразу же обратила внимание на недобросовестность автора. "Новое время", "День", "Деятельность", "Рассвет", "Биржевые ведомости", указывали на то, что в переводе были допущены самовольные урезки, дополнения и искажения. Отмечалось также, что в своих комментариях к кагалным актам, с ссылкой на еврейские юридические книги, Брафман обнаружил недостаточное знание древнееврейского языка. Иосиф Зейбельринг, цензор еврейских книг при Министерстве народного просвещения в своей работе "Против Книги кагала Брафмана" (1882), говоря о нём как о враждебном евреям ренегате и яростном преследователе бывших единоверцев, отмечал, что тем самым Брафман работал на то, чтобы лишить иудеев их языка и религии. А критик Цеви-Гирш Шершевский (1840-1909) в серии статей, впоследствии объединённых в книгу "О Книге кагала" (1872), усомнился в

подлинности кагалных актов, многие из которых датированы субботой и праздниками, когда писать возбранялось, и были подписаны лицами, не имевшими на то права. В то же время у автора книги отсутствовали важные документы (например, о ежегодных кагалных выборах), обойтись без которых было никак невозможно. Обнаружилось также непонимание того, что кагал, как и другие городские гильдии, выживал в условиях феодализма, не говоря уже о том, что восточно-европейские евреи, бывшие предметом ненависти христиан, в соответствии с Магдебургским правом вынуждены были защищаться, потому и сделали кагал своим автономным центром, ответственным за налоги и судопроизводство. А литератор Михаил Моргулис (1837-1912) ("Вопрос еврейской жизни", 1889) настаивал на том, что Брафман всю деятельность кагала истолковал превратно. Это в первую голову касалось отношений евреев с христианами, которые регулировались кагалом в полном соответствии с действующими законами.

Однако голоса еврейских критиков тонули в гуле нескончаемых панегириков "Книге кагала". "Как бы ни был добросовестен и правдив защитник евреев – его не хотят слушать, – сетовал профессор-семитолог Даниил Хвольсон (1819-1911), – слова его остаются гласом вопиющего в пустыне. Напротив, наиболее лживому и недобросовестному обвинителю – все рукоплещут". А архиепископ рижский Филарет (П.М. Филаретов; 1824-1882) с горечью писал о том, что отношения между русскими и евреями ненормальны и враждебны потому, что русские люди не имеют соответствующих знаний об иудаизме и судят о евреях по таким сочинениям, как "Книга кагала" Брафмана.

А Брафман, между тем, озаботился дальнейшей карьерой, пользуясь свалившейся на него "популярностью". Потому в начале 1870 г. он перебрался в Петербург. Он и раньше нередко наезжал в северную столицу, где познакомился со своей будущей женой Елизаветой (-1890), дочерью петербургского купца Ефима Федотова. В этом браке родилось четверо детей: Александр, Пётр, Евгений и дочь Людмила. Тесть Брафмана владел просторными апартаментами в доме 40 по Клинскому переулку (ныне Московский проспект), так что комфортабельным жильём семья нашего героя была обеспечена.

Министру народного просвещения Дмитрию Толстому (1823-1889) Яков направил два просительных письма. В первом сообщал, что цензорское жалование не покрывает всех необходимых расходов и просил определить своих сыновей, Александра и Петра, в одну из петербургских гимназий за казённый счёт, а во втором ходатайствовал уже о предоставлении ему самому какого-либо места при министерстве или Синоде с целью продолжения занятий по "изучению еврейского быта". И вот свершилось – в мае 1870 г. Брафман был причислен к штату Министерства внутренних дел и откомандирован в распоряжение Главного управления по делам печати. Ему было поручено контролировать деятельность еврейских цензоров в Вильне, Одессе, Киеве и Варшаве, а также рассматривать произведения печати, ещё не побывавшие в руках провинциальной цензуры. В Главном управлении, высшем органе еврейской цензуры (в нём могли работать только крещёные евреи), он занял одну из ведущих позиций. Одновременно он участвовал во всех правительственных комиссиях, где только возбуждался еврейский вопрос, а в 1871 г. он (бывший уклонист) был приглашен в состав комиссии о всеобщей воинской повинности, и за труды в ней был награжден орденом св. Владимира 4-й степени.

Карьера карьерой, но новыми доносами на соплеменников Брафман по-прежнему не гнушался. К примеру, он рапортовал в Министерство внутренних дел о том, что злокозненные иудеи на Западе, а затем и в России скрывают еврейское происхождение, называясь христианами именами, в том числе и в официальных документах, и это требует вмешательства правительства. Как цензор он последовательно выступал против еврейского патриотизма, считая, что патриотизм у евреев может быть только русским. Запрещал он всё, что, по его мнению, возбуждало в евреях ненависть к христианам. Так, он не пропустил даже статью о погроме в Одессе. Неоднократно накладывал запрет и на издание произведений

классиков еврейской литературы Льва Гордона (1830-1892), Менделе Мойхер-Сфорима (1835-1917) и др. В своём запретительском раже он перекрыл ввоз в Россию еврейских периодических изданий. И дошёл до того, что забраковал даже невинный сборник еврейских молитв. В рапорте по этому поводу он утверждал, что страницы книги "наполнены молитвами и гимнами, направленными к разжиганию в евреях чувства народного самолюбия, мести, ненависти и презрения ко всем племенам и народам; к поддержанию между евреями надежды на скорейшее пришествие Мессии, собрание евреев со всех концов земли, на восстановление их царства и господства над другими народами" и т.п. Одним словом, он углядел в сакральных текстах откровенно политическую подоплёку. Но и в стремлении евреев реформировать иудаизм он видел опасную попытку адаптироваться к новым условиям, что влекло за собой сближение не с вождельным православием, а с лютеранством и его "бездуховным" рационализмом.

Однако далеко не все решения Брафмана одобрялись властями. Более того, к середине 1870-х гг. он практически потерял прежнее доверие руководства. Надо также заметить, что в террариуме столичных цензоров, стремившихся выслужиться перед начальством и доказать свою незаменимость, сложились самые нездоровые отношения. Ожесточённая полемика часто сопровождалась резкими личными выпадами. Так произошло, к примеру, в споре по поводу газеты "Ha-magid" (1877), которую Брафман запретил на том основании, что та якобы ратовала за "вящее укрепление старого иудейского знамени, еврейского сепаратизма, а не в пользу сближения и слияния евреев с иноверцами". Однако другой цензор, Павел Марголин (1830-1889), напротив, утверждал, что газета призывает уничтожить все преграды, стоящие на пути сближения евреев с окружающим населением и выступает на стороне России и её императора. Дело решил профессор-гебраист Каэтан Коссович (1814-1883), который дал о газете самый положительный отзыв.

Рассматривая службу как прибыльное предприятие, Брафман требовал уважения к себе и на протяжении девяти лет своей жизни в столице постоянно подчёркивал перед начальством свою чрезмерную загруженность, жаловался на всё возрастающие сложности в деле цензурирования еврейских сочинений. В конце концов начальству, видимо, это надоело, и в середине 1870-х гг. с он был заменён другим цензором.

Несмотря на это, Брафману в 1875 году удалось осуществить второе, дополненное издание "Книги кагала" огромным по тем временам тиражом – 20501 экз. И всё это благодаря материальной поддержке Императорского русского географического общества, назвавшего труд Брафмана "замечательным", "ценным вкладом в этнографию евреев", Число документов в "труде" расширилось с 285 до 1055. Однако честолюбие Брафмана было посрамлено: он предполагал лично преподнести это издание императору Александру II, но Учёный комитет Министерства народного просвещения ему в том отказал, пояснив, что "подозрения, справедливо или нет возбуждённые против подлинности документов, ещё не разъяснены до очевидности в благоприятную сторону для издания".

В 1876 г. в полу-либеральном "Голосе" Брафман опубликовал статью с новыми нападками на еврейские организации. На сей раз он сосредоточился на основанном в 1863 г. Обществе распространения просвещения между евреями России. Общество якобы желает "удержать национальную и вероисповедную отдельность евреев от прочих народов и с тем вместе достигнуть полного уравнивания с русскими в гражданских правах", а также ставит задачей "достижение и укрепление всемирной еврейской солидарности и кастовой замкнутости". Не замечая смысловой противоречивости, Брафман именовал еврейских просветителей то космополитами, то националистами.

Особенное место в этих наскоках занимала критика деятельности организации "Альянс Израэлит Универсаль" (1860) (с эмблемой Моисеевых скрижалей над земным шаром), который представлен у Брафмана в качестве "всесильного и всемирного" органа еврейского

самоуправления. Брафман утверждал, что Альянс, "как и все еврейские общества, носит характер двуличия (его официальные документы говорят одно, а секретные другое), что он имеет задачей "ограждать иудейство от губительного на него влияния христианской цивилизации". Сохранилась литературная легенда (её воссоздаёт в романе "Пражское кладбище" итальянский мыслитель и писатель Умберто Эко) о том, что Брафман, как секретный агент III-го отделения, едет во Францию, втирается в доверие к Альянсу, дабы выведать его тайные цели. "Я не против евреев, - откровенничает агент, - Я против еврейской идеи, пытающейся подменить собой христианство... Покуда израэлиты не войдут в веру Христову, так и будет длиться: христианские страны, предоставляющие им пристанище, всегда будут восприниматься как территория, подобная некоему свободному озеру, в котором каждый еврей свободно может удить".

Впрочем, сам Брафман беззастенчиво демонстрировал свою продажность. Писатель Лев Гордон вспоминал, как тот делал ему открытые предложения о своём согласии изменить точку зрения на еврейскую печать и еврейский вопрос в целом за определённое вознаграждение от миллионера и мецената барона Евзеля Гинцбурга (1818-1878), тогда секретаря Общества распространения просвещения между евреями в России и председателя Правления Петербургской еврейской общины...

Под конец жизни он дослужился до чина губернского секретаря и стал потомственным дворянином. Яков Александрович умер от пневмонии в ночь с 15 на 16 декабря 1879 года "на постели при нотариусе и враче", но юдофобы распустили слух, что он был убит евреями, против которых восставал всю жизнь. Министерство внутренних дел выделило на его погребение 100 рублей обучавшемуся в Петербургском университете сыну Александру, его идейному преемнику и продолжателю, о котором надо сказать подробнее.

Александр окончил гимназию, а затем юридический факультет Петербургского университета. Внесён в Дворянскую родословную книгу в 1898 году. Работая присяжным поверенным и присяжным стряпчим, он проявил себя и как успешный финансист. Был товарищем председателя правления постоянного бюро съезда представителей городских кредитных обществ, членом Совета Петербургского торгового банка и Петроградской городской управы, председателем Наблюдательного совета Петербургского городского кредитного общества. Занимался Александр и политической деятельностью, став членом Петербургского отделения партии "Союз 17 октября"; в 1913-1917 гг. он - гласный городской думы и одновременно председатель исполнительной комиссии по заведению и устройству железных дорог (Надо заметить, что на этом посту он помогал брату Пётру, выпускнику Института путей сообщения, с 1886 г. производителю работ на строительстве Барановичи-Белостоцкой и Брест-Холмской железных дорог). Последние известия об Александре Брафмане датируются 1918 г., когда он был директором Литературно-художественного общества, читал лекции по ораторскому искусству на общеобразовательных курсах Петербурга и владел недвижимостью, доставшейся ему от деда и матери.

Что до еврейского вопроса, то здесь Александр был, по его словам, главным "сотрудником" отца. Он принял участие в работе "Комитета о евреях" (1881-1882), составив записку по еврейскому вопросу, чем повлиял на законодательство, которое должно было всячески усложнить еврейскую жизнь. Александр заявлял, что благодаря отцу, "открылся центр тяжести еврейского вопроса и указаны меры, коими он может быть разрешён". А вот как выразил он суть "Книги кагала": "С отменой тех государственных законов, которые дают еврейскому представительству власть над еврейской массой, исчезнет беспрекословное насильственное повиновение перед буквой еврейских законов и наступит внутреннее разложение еврейской общины, а затем разрушится и вся система строгой организации, обособляющей еврейство".

В 1882 г. под его редакцией вышло новое двухтомное издание "Книги кагала" тиражом 2000

экз., содержащее не только существенные дополнения к первоначальному тексту, но и рекомендации русскому правительству, как уничтожить тайные кагалы в России. Антиеврейский пафос в ней резко усилился. Еврейские общества и братства, как мы помним, и раньше ожесточённо критиковались Яковом Брафманом, но под пером его сына их зловеющая роль возросла до грандиозной политической миссии. Потому в отличие от ранних изданий, которые носили подзаголовок "Материалы для изучения еврейского быта", в новом значилось: "Всемирный еврейский вопрос", что само по себе определяло изменение общей направленности книги. Александр сделал вставки в текст об уклонении евреев от службы в армии (благодаря кагалу), об осуждении "Альянс Израэлит" (глава XV, с.161-167) и "Общества распространения просвещения между евреями России" (глава XXVII, с.321-43). Он вполне оправдывал европейскую юдофобию и использовал статьи из ультра-правой французской прессы. В 1888 г. Александр Брафман осуществил ещё одно переиздание "Книги кагала" тиражом 1440 экз., энергично поддержанное Иваном Аксаковым, который помещал отрывки из неё в газете "Русь". Александр и сам печатался в этой газете, выступая с откровенно шовинистических позиций (См.: Брафман А.Я. Фикция польско-еврейской солидарности // "Русь", 1882, № 9).

"Книга кагала" заполнила недостающее звено в общей цепи "разоблачений": при этом разоблачалась не какая-то отдельная секта, а весь еврейский народ, показания против которого дал сам еврей. Однако сей Брафмана, ставший настольной книгой антисемитов и обеспечивший их материалом и терминологией на десятилетия вперед, вольно или невольно, работал на идею "окончательного решения еврейского вопроса", от чего спастись этническому еврею было уже никак невозможно. Интересна в этом отношении позиция Владислава Ходасевича, о чём пишет литератор Валерий Шубинский: "Позднее судьба распорядилась так, что Владиславу Фелициановичу, внуку Якова Брафмана, знавшему об исторической роли своего деда и о том, что «таким еврейским родством гордиться не приходится», выпало самым активным образом участвовать в деле перевода еврейской поэзии на русский язык, и эта работа оказала известное влияние на его собственное творчество". А жена Ходасевича, Ольга Марголина (1899- 1942), еврейка, принявшая в 1939 г. православие, погибла в лагере смерти Освенциме. Одобрил бы Яков Александрович Брафман расовую ненависть даже к своим крещёным соплеменникам? Едва ли. Но он, посеявший ветер, не ведал, что пожнёт бурю.

Editorial remarks

Впервые опубликовано: Лев Бердников, Слово\Word, №97 • 23.02.2018